

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ: ТИПОЛОГИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Город солнца, град божий, царство радости, государство благоденствия, земля обетованная — среди мифов, свойственных человеческому сознанию, миф утопии и антиутопии следует назвать одним из самых древних и фундаментальных. Метафоры рая и ада, рождаемые потребностями человеческой психики, эстетики, потребностью в освоении мира, воспроизводятся в бесчисленных воплощениях, так что немало разнообразных явлений, вплоть до отдельных научных теорий, может оказаться при известном допущении в ряду гносеологических, мировоззренческих, психологических и т.п. утопий. Однако наиболее часто в поле зрения и обывателя, и исследователя попадают как правило, социальные и историософские варианты, которые и считаются классическими, т.е. собственно утопиями. Между тем социальная утопия — только часть человеческой мифосистемы и утверждение ее происходит параллельно со становлением самого социума. Вот почему понимание утопии как особого феномена принадлежит именно Новому времени.

Новое время, несущее коренные преобразования прежнего уклада и ускоренный темп жизни, сделало "архетипы" утопии и антиутопии более актуальными и закрепило за самими терминами социальный смысл.

В последующие столетия темп жизни и радикальность перемен продолжали возрастать, что привело к настоящему ренессансу утопий в бурном XX веке.

Тем более примечательно, что в научной литературе по сей день нет единого мнения о сущности утопий и их взаимоотношениях с антиутопиями¹, американский историк Л. Мэмфорд полагает даже, что всякие попытки дать законченное определение утопии вообще лишены смысла и бесплодны².

Тем не менее доминирующей в этой области является концепция К. Мангейма, хотя и остро критикуемая по многим позициям, но не имеющая достаточно убедительной альтернативы. В общем виде она сводится к следующему: "Утопическим является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его "бытием" < >. Однако мы будем считать таковой лишь ту "трансцендентную по отношению к действительности" ориентацию, которая, преобразуясь в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей"³. Согласно Мангейму, "идеи, которые, как оказалось впоследствии, лишь парили в качестве маскирующих представлений над уходящим или возникающим общественным порядком, были идеологиями, те же идеи, которые получили в последующем общественном порядке свою адекватную реализацию, были относительными утопиями"⁴ — относительными, так как, воплощаясь, утопия становится полноценной идеологией. Таким образом, Мангейм дифференцирует идеологию и утопию не по их сути, а по выполняемой ими конкретно-исторической функции, по их отношению к существующему в данный момент времени порядку вещей. Помимо этого недостатка (определение не качественно, а функционально), точка зрения Мангейма грешит "схоластикой" и "невысокой рабочей продуктивностью" (А. Валицкий)⁵.

При этом выделенная Мангеймом "трансцендентность" утопии по отношению к бытию считается в научной литературе одной из базовых утопических характеристик⁶. Разумеется, в любом случае полное отречение от действительности объективно невозможно, но предполагается, что такое отречение ставится целью.

Но даже при допущении, что связи с реальностью невозможно полностью обрубить, возникают сложности следующего рода — можно ли называть утопиями а) идеализацию

и апологетику существующего порядка, б) различные варианты практического осуществления утопий (опыты Кабе, Оуэна, теократическое иезуитское государство XVII в в Парагвае, простоявшее добрую сотню лет, и т д), по поводу которых А Свентоховский замечает, что "сам по себе факт реализации какого-нибудь общественного идеала не уничтожает в нем утопических черт"⁷, в) социальные проекты, предусматривающие различные возможности переходных периодов, постепенных реформ и т д В итоге параметр "неприятия" действительности "не работает" на решение этих проблем, стирает качественное своеобразие утопий и оказывается для их типологизации по крайней мере вторичным

Другое следствие из формулы Мангейма — связь существа утопии с наличием конкретного и всеохватывающего идеала нового общественного устройства⁸ Взгляд на утопию вообще как на "идеал общественных отношений" (А Свентоховский) — это, по-видимому, 'единственное что объединяет исследователей утопии' (Э Баталов)¹⁰ Даже собственно позицию Мангейма об утопии как предвосхищении Е Шацкий считает также следствием понимания утопии как разновидности общественного идеала¹¹ Не сложно заметить впрочем, что подобное толкование тоже достаточно размыто, и в этой связи уместным кажется уточнение Э Мунье об утопическом идеале как 'продукте чистой интеллектуальной спекуляции'¹² Тогда "при таком подходе утопией будет лишь такой идеал который возникает в сфере чистой интеллектуальной спекуляции, идеалы другого рода утопическими уже не будут" (Шацкий)¹³

Но, таким образом, существенной, типологической чертой утопии оказывается не просто ее трансцендентность, не только наличие в ней конкретного общественного идеала, но именно "спекулятивность" ее построений, рационализм как основополагающая характеристика

Попытаемся, действительно, сформулировать цель утопии, ради которой строятся ее города и придумываются ее порядки Чем, в самом деле, пытается она оправдать самое себя, всегда выступая в оппозиции к существующему, всегда предлагая ему взамен нечто странное как заведомо лучшее? Будет ошибкой предположить, что цель утопии, ее самомотивация — человеческое счастье При всей ценности понятия счастья в человеческой мифосистеме утопия, прогнозируя свой идеальный мир, обходит его стороной Ни Платон, ни Мор, ни Кампанелла, ни авторы техноутопий XX в не задаются вопросом, счастливы ли подданные их государства счастье — не их категория Более того, иногда индивидуальное человеческое счастье может стать вредным для интересов единого коллектива каковым является население любой утопии, поэтому отношение к нему колеблется от нейтрального до негативного Все вещи, обеспечивающие привычные компоненты "человеческого счастья" (творчество, семья, чувства и эмоции, достаток, богатство, личная известность) либо ставят утопистами под строгий контроль и сами становятся средствами контроля над человеком, либо иным образом лишаются всяческого от них удовольствия искусство стиснуто канонами и поверяется критерием пользы, слишком сильные чувства, как и слишком яркие индивидуальные особенности, подвергаются осуждению, брак и семья превращаются в отправление долга или разрушаются как-то иначе С этих позиций становится понятной странная на первый взгляд агрессия утопистов по отношению к любви и браку и то и другое есть проявление свободы человека его суверенной воли, его бессмертного инстинкта, т е тех сил и источников, которые противостоят разумности и рациональности

В человеке рационален дух (ключевой тезис классической западноевропейской философии, начиная с Платона, замечательно, что европейский утопический ряд открывается также Платоном), но отрешиться от иррациональности своей материальной природы и своего подсознания человек не в силах, следовательно, подсознание и инстинкт нужно подавлять, осуществляя таким образом по возможности царство духа на земле Проводником этой идеи, координатором высших отношений призвано стать государство, которое в ходе исполнения этой задачи наполняется сакральным смыслом

Институт надзирателей и поучающих у Платона обсуждает на общем собрании граждан вопросы личной жизни супругов, определяет по жребию новые пары (на самом деле пары эти заранее подобраны и утверждены властью, а комедия со жребием должна лишь санкционировать высочайшее решение в глазах толпы человек все же интуитивно охотнее покоряется жребию судьбе, чем рациональному велению власти), в случае возникновения прочной привязанности брачная пара разъединяется (всякая привязанность как и все, что ставит личные интересы выше общественных, аморальна и наказуема) все дети одного поколения считаются братьями и сестрами — словом, индивидуальное чувство как бы рассеивается и лишается конкретного содержания

Точно так же — благом государства — определяет цель отношений мужчин и женщин Т Кампанелла Общество как единая семья и высший объект любви не только пресекает все личные привязанности но и назначает официально каноны добродетели Механический рационализм довлеет здесь надо всем вплоть до составления супружеских пар по принципу “комплиментарности” высокий — низкий, худой — тучный и т д Кампанелла настолько детально регламентирует частную жизнь, что вслед за Мором вводит для населения своей утопии одинаковую для всех, подробно описанную модель платья, которое граждане должны мыть раз в месяц мылом и щелоком Последнее любопытно не только как пример садистского отношения к браку (примеры такого рода можно было бы множить и множить), но и как иллюстрация механистического догматизма мелочной схематизации всех утопий Продумана, вычислена, логически обоснована каждая деталь этого огромного механизма Если утопия — идеальный город, город-мечта, то в этом городе даже траву на газонах следует подстригать строго продуманным, идеальным образом Утопия не оставляет свободе ни глотка воздуха Действительно, какую функцию может исполнять свобода там где все уже устроено так как надо, наилучшим образом, исходя из принципа целесообразности? Свобода же нецелесообразна, т е неразумна, как и слишком яркие чувства, слишком яркие страдания, счастье, любовь

Итак, если утопия и употребляет слово “счастье”, то подменяет его на деле другими понятиями — справедливостью, мерой, равновесием, гармонией, целесообразностью, т е теми вещами которые вполне поддаются математическому”, рациональному исчислению Не случайно в утопиях так ценится научное знание — оно обеспечивает построение идеально-равновесного общественного механизма этот принцип применим по отношению и к теократическим утопиям рассуждения Кампанеллы, например, классически псевдонаучны Равновесие и гармония обуславливают статичность утопических обществ, а также их самодостаточность Принцип рационально вычисленной пользы неизбежно вступает в конфликт со свободой личности и под флагом разума легко побеждает последнюю

Все это не выглядит для утопии кощунством, а напротив, совершается вполне естественно с опорой на коренное убеждение западноевропейской философии в тождественности разума и высшего блага, а следовательно, и моральности, и пользы

Вера в могущество благодетельность и верховенство разума составляет ядро рационализма как системы мышления и понимания мира Этим положением утопия подчеркивает свободу не только для человека, но и для самой природы Все утопии поэтому телеологичны по своей сути

Не являются исключением в этом смысле даже либеральные утопии, чьи идеалы конструируются на основе либеральных “мифов” Эти утопии, возникшие на волне экономического рационализма Нового времени прежде всего рационализируют стихийность, природный ход вещей в частности механизм рынка, видя в нем некий таинственный закон В таком понимании сочетается мистичность, свойственная отношению к сакральным вещам, к истине и провиденциальское представление о пользе (целесообразности) этой истины Мистика рациональности проявляется и в том как стихийные человеческие отношения складываются в рациональную общественную гармонию Рационализируется и сам человек, как отдельный мир, отдельное суверенное государ-

ство утопия как бы заключилась в нем, внутри него самого — он замкнут, статичен, разумен, соответствует природе и, как самый разумный и суверенный из ее существ, является ее венцом, идеалом Утопия ведь представляет всегда совершенное государство, так и человек в либеральной утопии совершенен Здесь действует как бы двойная, накладывающаяся утопия в устройстве внешнего мира, в самом человеке, представляющем утопическое государство внутри утопического государства Следует добавить, что либеральные утопии совсем не отменяют существования сильной государственности, миф о государстве как "ночном стороже" лишь растворяет государственные функции в обществе, а это проявление общей черты всех утопий Утопия соединяет социум и власть, и не суть важно, что именно из этой пары подвергается ущемлению в пользу другой стороны И уж вовсе либеральные утопии не настолько противоположны традиционному утопическому коллективизму, как декларируют на словах Как бы ни говорили либеральные утопии об индивидуализме и свободе мнений, они все равно подчиняют социум единой довлеющей идее, силе, которая может совершенно беспелляционно растоптать индивида во имя общего блага или по капризу стихии, чей смысл неясен человеческому рассудку, — и это посприание человека найдет моральное оправдание Мир либеральной утопии тоталитарен, как мир "всякой" утопии

Более того, все утопии в принципе едины по своей конструкции Ежи Шацкий, выделивший на страницах своей книги несколько типов утопии, как-то утопию места, времени, вневременного порядка, ордена, политики и т.д., в итоге признается, что имеет смысл говорить об одной-единственной модели, кочующей по векам и странам Исследователь Чэд Уолш называет 9 основных тезисов этой модели 1) человек по природе добр, и причина его недостатков — неблагоприятные условия жизни, 2) человек пластичен и в изменяющихся условиях легко изменяется сам, 3) нет какого-либо неустранимого противоречия между благом индивида и благом общества, 4) человек разумен и способен становиться все более разумным, 5) в будущем имеется неограниченное число возможностей, которые, однако, полностью поддаются предвидению, 6) следует стремиться обеспечить человеку счастье на земле (счастье понимается, конечно, в сугубо рациональном смысле достаток, мера, гармония, равновесие, целесообразность), 7) люди не могут пресытиться счастьем, 8) возможно научить людей справедливости 9) декларируемые цель и назначение утопии — "осуществление подлинной свободы человека"¹⁴

Однако эти признаки утопии, сами по себе верные, все же не являются самостоятельными Все они — только следствие, развертка единого базового принципа — принципа рациональности, легко выводятся из него и описываются им Применительно, что ни у Уолша ни у Р Дарендорфа приводящего несколько иной комплекс утопических компонентов, принцип рациональности не уломинается

Тем не менее, поместив именно его во главу угла, получаем следующую схему утопии вообще как типа человеческого мышления

Утопию определяет рациональность конструкции, из которой следует четкий план будущего общества оно идеально, из него устранены противоречия, и это общество равновесно, статично, что поддерживается постоянно его внешней замкнутостью Утопическому миру присуща строгая регламентация и иерархия Устраняются или подвергаются давлению все факторы, могущие нарушить эту рациональную гармонию Поскольку вечный источник иррациональности заключается в самом человеке, человек тоже становится объектом давления и манипуляций По принадлежности к иррациональности утописты не жалуют и искусства, особенно те из них, которые нельзя прямо поставить на службу общественному благу Никакой индивидуальности и бесконтрольности¹ — девиз утопических обществ, никакой недосказанности, нечеткости, которая давала бы пищу для фантазий Все должно стать таким, чтобы это можно было легко проверить и так же легко исправить Утопия вообще верит что общество — это механизм, устройство которого можно познать и, следовательно, улучшить

Конфликты из общества устраняются через его однородность, а она проще всего достигается через равенство (имущественное, правовое или, как у Платона, через социально-культурную общность) Вообще, между членами такого общества действуют связи гораздо более тесные, чем обычно (скажем, их объединяет особая приверженность одним обязательным ценностям) В целом же общество представляет единую семью Оттого, что все члены социума уравниваются, хотя бы в служении одному идеалу, общество не отделено и не защищено от государства Нередко общество практически сливается с государством (взаиморастворение, перекрещивание функций), которое чаще всего патриархально

Государство воплощает в себе также и нравственный абсолют, в частности религиозный Очень часто такой абсолют, впрочем, выводится из разумности, целесообразности и т.п. Здесь показателен культ разума во времена Великой французской революции В любом случае государство выступает как хранитель, сосуд истины Происходит сакрализация власти

Кроме того, утопиям совершенно чужды чутье времени и чувство историзма "Для утописта очень характерно такое самочувствие в истории чувствовать себя, как в пустыне Ибо "историческое" обрекается на слом"¹⁵ Но так как человек по своей психологической природе не может жить без авторитета, без моральной поддержки в виде твердого основания собственному существованию, будь этим основанием глобальная истина или исторический прецедент, то чаще всего "вопреки обычному представлению о времени как о чем-то, безусловно, непрерывном, утописты кроют его поперек, вычленив из него хорошее и плохое время"¹⁶ С этим связан и взаимообусловлен догматизм и авторитарное мышление утопийцев и утопистов "именно в таком догматизировании "отвлеченных" и самодовлеющих идеалов и заключается психологический смысл всякого утопизма, притязающего всегда как-то перекрыть действительность "по новому штату"¹⁷

Это право переустройства мира вытекает из глубочайшей уверенности в обладании абсолютной истиной, рациональной или религиозной Однако даже если эта истина имеет религиозную основу самое намерение переделать мир по сущности своей рационально ограничено скудными человеческими возможностями и, между прочим, составляет бунт против воли бога Как замечает Андреас Фойгт, автор очень глубокого исследования по истории утопий, "лишь утопист может верить, что вполне понял этот мир, полный удивительного вихря"¹⁸ Тем самым утопия как бы отгораживается от будущего, от дальнейшего познания и развития

После всех сделанных замечаний излишним представляется проводимое некоторыми авторами разделение утопий на прогрессивные и регрессивные, или консервативные С тем же успехом можно делить учения на "верные" и "ложные", "хорошие" и "плохие" Очевидно, что этот путь рассуждений в конечном итоге тупиковый Дело даже не в том, что очень трудно выявить объективный критерий оценки По сути, не так уж важно в конечном итоге, обращена та или иная теория или идеал в прошлое (ретроспекция) или в будущее (проспекция) — да и это порой не так уж просто определить, гораздо существеннее общие принципы построения Но если все же принимать подтермин "консервативная утопия", есть резон развернуть его в два типа

1) Утопия осуществления царства божия на земле, которая, в конечном счете, сводится к сакральному государству, т.е. представляет собой развитие общей черты всех утопий В самом деле, основные черты миллениаризма вполне укладываются в схему утопии вообще Например, Н. Кон выделяет следующие аспекты миллениаристского царства реализация миллениума носит коллективный характер, воплощение тысячелетнего царства есть земное бытие, оно совершается во время земного существования людей, это царство абсолютно, т.к. оно полностью преобразовывает общество, оно неизбежно и осуществляется чудодейственно¹⁹

2) Утопия, обращенная собственно в прошлое. Тогда ее цель — вернуть (вернуться) в прошлое, в какую-то его часть, какой-то его момент. Такое построение либо рационально (вернуть прошлое, сконструировать его по известному образцу) и представляет собой утопию в чистом виде, либо иррационально (бежать от цивилизации в мир естественных законов патриархальной жизни) и является антиутопией.

Таким образом, антиутопия — как бы зеркальная разновидность утопии. И если утопия рациональна по природе, то и острое антиутопии опирается именно в это ее качество, т.е. отрицает самую ее суть.

Утопия и антиутопия — вещи столь же «вечные», сколь и параллельные в истории. К сожалению, антиутопия как феномен еще менее освещена в историко-социологической литературе, так как традиционно считалась чисто литературным жанром и рассматривалась как продукт поэтической фантазии. Это, конечно, было сужением термина. Антиутопия — также стиль человеческого мышления, тип мировоззрения, который может выражаться как в литературной, научной, так и в политической деятельности. Говоря же об основных чертах антиутопии, вследствие скудости историографической базы, мы будем апеллировать непосредственно к источникам, которые до настоящего времени социологическим анализом практически не затрагивались.

Правда, при выборе источников неизбежны некоторые проблемы. Трудно сказать, насколько можно отнести к «антиутопистам» Дж. Свифта или Л. Голберга, но собственно, линия иррациональности в Новое время начинается именно от них. Однако наиболее законченным творческим и философским оформлением антирационализма явилось романтическое направление, поднимающееся с конца XVIII в. Романтическая картина мира полярно противоположна рационалистическим, утопистским теориям, и часто это противопоставление носит характер вызова или отвержения. Утопия, или крайний рационализм, рассматривает мир механистически и верит в возможность познания законов этого механизма. Более того, она утверждает, что мир детерминирован закономерен, а закон — устойчивая, повторяющаяся связь явлений — уже сам по себе является механизмом. Для романтиков мир непознаваем, т.к. пронизан творческой, изменяющейся стихией, он растет и творит и является живым организмом, его можно постигать, но нельзя постичь до конца и тем более предугадать, т.к. бытие есть акт творческий, чудесный. Миром правит чудо, которое есть опровержение всех законов и атрибут бога. Отсюда мир — это хаос, первозданная творческая стихия. «Хаос есть та запутанность, из которой может возникнуть мир»²⁰. Возможность — это знак свободы, сути, а не формы, воплощение — это уже вход в цепь необходимости. «Воплощаемое у романтиков всегда богаче и многообразнее, чем воплощение. Нужно сохранять связи с пройденными уже как будто стадиями нашего познания — возвращение к ним может оказаться живительным, и именно оно поведет вперед»²¹.

Самый же чудесный и недетерминированный жанр искусства — сказка, и именно она представляется романтикам воссозданием модели Вселенной. «Ничего не может быть противнее духу сказки, чем нравственный фатум, закономерная связь. В сказке царит подлинная природная анархия. Абстрактный мир сна. Сказка — это природное состояние самой природы, время до сотворения мира» (Новалис)²². Но чудо, а точнее, бог владеющий чудом, творит материю и ее законы и таким образом сочетая рацию и иррацию, заключает в себе всю полноту проявлений жизни. Новалис замечает далее: «Не является ли вечная иррациональность относительной?» и «Будущий мир есть разумный хаос»²³. Впрочем, значение хаоса у романтиков окрашивалось в разные тона. Вначале он расценивался как созидательная сила, «опытное поле и питомник разума и гармонии». Ранние романтики были очень далеки от иррационализма, они вводили в поле зрения иррациональные величины вовсе не ради того, чтобы подчиняться им, тогда как на поздней стадии романтизма хаос темен и зловец. «У ранних романтиков все можно получить из рук хаоса — и свет, и красоту, и счастье, для поздних хаос все отнимает и ничего не возвращает» (Берковский)²⁴. От синтезной концепции Шлегелей, Новалиса — к иррационализму позднего Шеллинга и Шопенгауэра, — такова эволюция принципа иррационализма в романтической школе.

Но именно балансирование на грани двух противоположностей — рации и иррацио, идеала и действительности, поэзии и прозы, объекта и субъекта, общего и особенного, человека и мира, фарса и драмы — заключает в себе сущность романтического мироощущения. Все это — неустойчивое равновесие на острие над пропастью, принадлежность к двум мирам. Л. Тик писал о финальной сцене романа Новалиса: «Все объясняется и завершается самым сверхъестественным и вместе с тем самым естественным образом, стена между басней и правдой, между прошлым и настоящим пала, вера, фантазия, поэзия раскрывают самую сокровенную глубину внутреннего мира»²⁵. У Уильяма Блейка это состояние относительности и текучей связи мира передано совершенно программным образом:

*В одном мгновеньи видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность,
И небо — в чашечке цветка*²⁶

Романтики отвергают все конечное и окончательное. Но если в мире все текуче и относительно, то нет никаких абсолютных ценностей и единого провиденциального смысла, и здесь начинается бунт против христианства. Если нет абсолютного добра и зла, то человек оказывается ничем не защищен, так как неясно, от чего вообще нужно защищаться — все относительно, человек — лишь пылинка, на беду наделенная способностью понимать свое положение. Скепсис, или, точнее, ирония — естественное состояние слабости в вечно изменяющемся мире, где нет ничего постоянного, кроме самой этой иронии. «Ирония есть ясное осознание вечной изменчивости, бесконечно полного хаоса» (Г. Форстер)²⁷. Ирония — это способ соотнесения могущества человеческого понимания с его реальным бессилием, идеала — с действительностью. Из этого рождается сущность романтического конфликта двух непримиримых вещей: запредельного, идеального, и — реального, непреодолимого человеком мира. Высшая ирония заключена в том, чтобы поставить духовное величие в ничтожную оболочку, преодолеть это унижение человек может через собственную иронию и самопогружение, уход в свою духовность. «Мы мечтаем о путешествии во вселенную, — писал Новалис, — но разве не заключена вселенная внутри нас? — в нас самих или нигде заключается вечность с ее мирами, прошлое и будущее. Внешний мир — это мир теней. Величайшей тайной для человека является он сам. Ничто другое не является столь достижимым для духа, как бесконечное»²⁸.

В гордыне духа человек может даже переставить акценты: «Человек есть источник аналогий для вселенной»²⁹. Это также будет противопоставлением рациональному, унифицированному видению человека.

Но если явление так искажает суть, то предпочтение, несомненно, следует отдать сути, а не форме. Наш мир явленный — мир ложных контуров, искажающих истинную сущность вещей. Оценим повнимательнее последнее заключение. Исходя из логики романтизма, мы пришли к положению, которое на деле есть не что иное, как предпосылка для возникновения антиутопии — теории обращения к «Истине» под знаменами иррациональности. Освобождение сущности от власти формы — основной тезис всех антиутопий.

Путь постижения сущности для романтиков — искусство. «Глубокое постижение природы в самом высоком смысле слова, как бы вызывающее все ее существа к высшей жизни, и есть священная цель всякого искусства» (Гофман)³⁰. «Поэзия — это зеркало, которое дивно преображает то, что искажено» (Шелли)³¹. Самое же интуитивное из всех искусств, самое свободное от печатей скудного человеческого рассудка — музыка, столь ненавидимая утопистами именно за то, за что боготворима романтиками: она будит в человеке индивидуальное и бессознательное, что нельзя постичь рационально, унифицировать, привлечь на публичный суд или поставить под контроль.

Показательный пример утопической рационализации искусства, наполнения его прогосударственным, пропагандистским смыслом представляет нам утопия Платона. Из всех

произведений, считает Платон, следует оставить только гимны в честь богов и добродетельных лиц. Искусство подчинено неизменным канонам, сведено до уровня правительственной идеологии и потому взаимозависимо с государством. Кроме того, искусство связывает государство с человеческой психикой и обеспечивает контроль над ней. Именно этим объясняются те рекомендации, которые Платон адресует, в частности музыке как самому нерациональному из искусств. В людях, замечает Платон, опасно будить сомнения. И в музыке следует избегать мягких тонов и изменчивых ритмов, соблюдая единогласие как знак согласия и единообразия. Искусство в утопиях, таким образом, несет двойную функцию: оно есть рычаг психического воздействия и одновременно часть государственной идеологии, оно воздействует как на сознание, так и на подсознание человека. В своей идеологической ипостаси искусство как отражение системы в целом должно быть просто и уверено в себе, а также цельно и внушать впечатление прочности и неизменности.

Если утопизм вводит искусство в "посюстороннюю" систему, то романтизм, напротив, видит в искусстве дорогу в "потустороннее", во вселенское, идеально свободное, но при этом упорядоченное пространство. Искусство наделяется чертами философской модели мира "О, музыка! Ты — выраженный в звуках праязык природы!" (Гофман)³². Поэтому искусство есть возвращение вещам и людям их истинной ценности. С этим связано чувство собственной элитарности у романтиков. В противоположность утопическому эгалитаризму романтики защищают иерархичность, неравенство и абсолютную ценность личности. "Наше царствие от мира сего, — говорят музыканты", "можно ли нанести художнику оскорбление более глубокое, чем то, когда толпа считает его своим ровнею?" (Гофман)³³. Художники — это "высшая каста, облагороженные не по рождению, но через самоосвящение" (Г. Форстер)³⁴. Исключительный человек всегда одинок, потому что слишком оригинален. "Поэт — это соловей, который поет во тьме, услаждая свое одиночество дивными звуками" (Шелли)³⁵. В противовес усредненному человеку — "винтику" утопии — появляется идея сверхчеловека. Ж. де Сталь так определила содержание романтического конфликта: "Для масс существует благо в самом порядке вещей, однако для отдельных личностей в этом нет счастья" ³⁶. Или, иначе говоря: "Всякий обзавелся уютным уголком, у всякого есть теплая печь, чашка кофе, супруга, стакан вина за ужином и с него довольно. А мне все не по душе. Как будто я всюду опоздал, как будто во всем мире не нашлось для меня места" (Иозеф Эйхендорф)³⁷. Именно эти ощущения обуславливают специфические представления романтиков о моральности и свободе. Свобода в возможности для проявления своей индивидуальности, которая есть частица истины и бога. "Свобода — это независимость от всех земных стимулов и движений, в нравственном господстве над собой в подчинении всех сил божественному закону" (Г. Форстер)³⁸. В свою очередь, то, что способствует раскрытию личности, является моральным. "Мораль исходит из сознания свободы, царство которой она хочет распространить в бесконечное и все ей подчинить, дыхание же религии существует там, где сама свобода стала уже природой" (Шлейермахер)³⁹. Отсюда "первым побуждением морали является оппозиция против существующей законности и условных правил"⁴⁰, которые есть не что иное, как давящий стандарт.

Перед нами явный момент антиутопии: бунт против рациональности и унификации мира. Среди относительности и вечной изменчивости подлинным абсолютom может быть только свобода, она-то и становится священной. "Отношение истинного человека к идеалу религиозно. Тот для кого это внутреннее богослужение является целью и занятием всей жизни, — жрец, и им может и должен стать каждый. Идеалы, которые считаются недостижимыми, не идеалы, а математические фантомы чисто механического мышления"⁴¹. Как видим, здесь так же, как и в утопии, не допускается параллельного сосуществования идеала и действительности, их разделение воспринимается трагически. Антиутопия столь же тотально относится к идеалу, как и утопия, так же религиозна в своем стремлении свести идеальность на землю. Конечно, нельзя романтизм всецело

свести к типу антиутопии, но, тем не менее, весь романтизм отмечен явным антиутопическим "креном"

Наиболее распространенный антиутопический путь воплощения идеала — возвращение к свободной жизни первозданной природы, не скованной рассудком или условностями Утописты типа Руссо или Морелли, проповедуя "природную мораль", исходят из принципа детерминированности и целостности мира, "природная мораль" антиутопистов рождается из противоположного полюса — индивидуализма и иррациональности "Я люблю снег и все виды сияющего мороза, люблю волны, ветры и бури, и почти все это является частью Природы, не загрязненной человеческой нищетой" (П. Б. Шелли)⁴²

В непостоянном, меняющемся мире только природа остается константой, к которой может прислониться дух человека, так нуждающийся в Абсолюте. Если угодно, перед нами вариант модифицированного пантеизма "Но там природа, она зовет тебя и любит,

когда тебе все кажется изменившимся, природа остается все та же, и все то же солнце всходит каждый день" (Ламартик)⁴³ Природа же олицетворяет все истинное, нерассудочное в человеке, приоткрывает глубины его психической организации "Импульс, исходящий из весеннего леса, может научить вас большему о человеке, о плохом и хорошем, чем все мудрецы" (Вордсворт)⁴⁴

Человек в романтизме — прежде всего часть природы, и им движут ее непознаваемые стихии. Самая трудноорганизуемая и иррациональная стихия в человеке на которую не напрасно так ополчились утописты, ибо она грозит взорвать весь их упорядоченный мир, — эрос, который возводится романтиками в философский принцип Вселенной, созидающий и свободный. В сущности, все произведения романтизма эротичны, т. к. эрос представляет собой вечную притягательность тайны. В романтизме весь мир таинствен и исполнен возможности, готовности, вопросов, а не ответов. Вопрос о значении чувства в немецкой литературе, по наблюдению А. Н. Веселовского, решался и раньше "в смысле широкой свободы" "Романтики переняли это решение играя такими обновленными, сказочными темами, как любовь брата к сестре"⁴⁵ К отождествлению. религия — поэзия (философия) пристали другие когда сердце, отвлекаясь от всей действительности, становится самому себе идеальным объектом, зарождается религия, говорит Новалис, все частные вожеления сливаются в одно, целью которого становится высшее существо, Бог. Новалис пишет "Если таким объектом будет любимая женщина — это будет прикладная религия" Игра синтеза продолжается чувственное — материал, оно условие искусства, поэзии — религии, отсюда религия как скрытая, невыяснившаяся чувственность. В результате получается мировоззрение, напоминающее психическое настроение XII — XIII вв. чувственный мистицизм, в котором "чувственность граничила со святостью" Средневековье вообще воспринималось романтиками как пора напряженнейшей жизни духа, в отличие от жизни вовне, внешними формами, свойственной Новому времени.

Но свободному, наделенному духовностью индивидууму вечно изменяющемся мире под натиском толпы и перед ликом бессмертной природы становится слишком одиноко, он слишком слаб и к тому же смертен. Выйти за пределы своих естественных и поставленных извне границ — это значит, проникая в другие миры, познавать их и допускать возможность ответного проникновения. Любовь — это метод познания, "любовь, или выход за пределы своего "я" (Шелли)⁴⁶ В общечеловеческом масштабе это своего рода "соборность" "каждый отдельный индивидуум согласно своей внутренней сущности является необходимым дополнением к полному созерцанию человечества" (Шлейермахер)⁴⁷ Данное положение не означает уничтожения индивидуальности, ведь воссоединение идет через любовь, в противоположность грубому механистическому соединению. Поскольку земной, реальный мир держится на бытии именно внешних форм, ассоциация, любовь наполняются запредельным, мистическим смыслом. Духовная общность, образуя замкнутый элитный круг, превращается в некую новую личность, противостоящую всему остальному сообществу, совершается круг индивидуализм —

ассоциация — индивид Идеи, прослеженные нами на примере романтизма как особого направления в философии и искусстве конца XVIII — начала XIX в., являются, однако, основой не столько сугубо романтического, сколько, шире, антирационалистического миропонимания с начала XIX века можно, до известной степени, говорить о синонимичности понятий антирационализма и романтизма

Вообще говоря, время с 30-х годов XIX века принято считать эпохой реалистической школы, при этом "столпами" нового направления называют Ч Диккенса, У Теккерея О де Бальзака и т д Верно, что к этому времени благодаря своей изначально сильной философской струе романтизм отступает в литературе на второй план и развивается в сфере чисто философской Но и относительно литературы нельзя столь категорично говорить о преодолении романтизма реализмом Прежде всего, сюжеты "реалистов" совершенно откровенно исполнены морализмом и сентиментальностью, замешаны на мелодраме и иногда просто перегружены всевозможного рода тайнами интригами, загадочными происхождениями и т п, романтические тайна, мораль и чудо сохраняются, равно как и гротеск — "классически" романтический метод Перелистаем, в самом деле, Диккенса, Теккерея, Гоголя, Достоевского Что за странная действительность у этих "реалистов", что это за типы, на какой улице их встретишь — чудовищные карлики, мурье, убогие, сказочные ведьмы и злодеи, золушки, принцы, холодные принцессы? Все это вроде бы и реальность, но как-то странно преломленная, искаженная в гримасе, где реальный мир плавно перетекает в фантастический, фантазмагорический, что чрезвычайно близко к Гофману или Э По, где также причудливо намешаны и проступают друг сквозь друга два измерения Это уже знакомый нам бунт против мерок и рамок рассудка, ограничений действительности, это все то же романтическое царство сказки Романтическая линия не пресекается на середине XIX века, а плавно вплетается одной из нитей в ход литературного и философского процесса готова в XX в ренессанс утопий-антиутопий (Дж Оруэлл Е Замятин, Д Лоренс, О Хаксли, Берджес и т д)

Об одной существенной черте романтизма, развитой отчетливо "реалистами" Бальзаком Диккенсом, Доде, подхваченной затем Достоевским, вышедшей на первый план в антирационализме XX в., мы, впрочем, еще не говорили Собственно, эта тема красной нитью проходит у Ницше а в России ее одним из первых коснулся Гоголь Это идущий от самых первых романтиков мотив, как принято выражаться, "маленького человека" Наиболее знаком он из романтиков, вероятно, по Гофману Речь идет о трагическом фарсе сочетания высокого духа и фактического бессилия, знаменитом расколниковском раздвоении между "Наполеоном" внутри и внешним обличем "твари дрожащей" Вывод однозначно антирационалистичен высоколобые и дрожащие — декаданс, рассудок приводит к вырождению, он не критерий самореализации, а в лучшем случае — одно из средств

Развитие романтизма в целом движется по линии возрастания антирациональности, а следовательно, и усиления в нем антиутопических элементов и тенденций Синтез уступает место теориям крайностям, категоричным, безотносительным Возможно, это связано именно с тем, что прогресс, по словам О Уайльда, есть не что иное, как осуществление утопий земная жизнь все более рационализируется и становится механистической, индивид все сильнее попирается толпой, XX в., как никакой прежде, был насыщен попытками воплощения в действительность проектов рационального общественного устройства Поэтому он становится временем борьбы с утопией за человеческую личность

Огромное место в антиутопиях нашего столетия занимает критика и развенчание собственно утопий Удары наносились главным образом по "коллективизму", эгалитаризму и "принципу справедливости" Давно стало понятно, что единственная надежная основа для олигархии — коллективизм Богатства и привилегии легче всего защитить, когда ими владеют сообща Так называемая отмена частной собственности на самом деле означала сосредоточение собственности в руках у гораздо более узкой группы, но с той разницей, что теперь собственницей была группа, а не масса индивидов В конеч-

ном счете строй зиждется на том убеждении, что Старший Брат всемогущ, а партия непогрешима. Но поскольку Старший Брат не всемогущ и непогрешимость партии не свойственна, необходима неустанная и ежеминутная гибкость в обращении с фактами. Так рождается “двоемыслие”. В конечном итоге полная рациональность приводит к абсурду, потере смысла: “министерство мира занимается войной, министерство правды — ложью, министерство любви — пытками, министерство изобилия морит людей голодом. Если высшие хотят сохранить свое место навеки, тогда господствующим состоянием должно быть управляемое безумие”⁴⁸. Господство утопии достигается насилием над человеческой природой, но именно природное начало в человеке таит надежду на его освобождение. Тема бегства от цивилизации и жизни по канонам природы звучит в современных утопиях ярче, чем в изначальном романтизме, равно как и тема давящих уродливых форм цивилизации. “Все эти разукрашенные ширмы, возведенные человеком с целью отгородиться от действительности, — история, религия, долг, положение в обществе — все это иллюзии, не более как фантазии курильщика опиума” (Фаулз).

Путь человека к себе не прекращается до смерти, и единственная реальная, не иллюзорная цель жизненного странствования — это сам путь, непрерывное саморазвитие личности, ее движение от одного свободного выбора к другому в этом бесприютном мире. Как замечает Дикарь, герой романа О Хаксли “О дивный новый мир”, человек нуждается в праве быть несчастным, больным и смертным, иначе он перестает быть человеком. Какой разительный контраст с “благополучием” как целью всех утопий! Но романтики уловили психологический парадокс человека: без несчастья он не принимает счастья.

Механический, чужой внешний мир (“холодный дом”, по выражению Диккенса) леденит сердца, героям в нем страшно, они “боятся стать лицом к миру” (Лоренс). Когда не получается бунта, тогда происходит бегство в фантазию, мечту, сказку (“Лучшая жизнь моя была во сне”, — пишет Ив Киреевский). Этот вариант антиутопии наиболее свойственен русскому романтизму. Впрочем, русский романтизм, как и русские антиутопия и утопия, потребовали бы особого разговора.

В заключение добавим в качестве пояснения, что романтизм вовсе не противоречит и не противостоит реализму, совсем не исключает его как метод внутри своей направленности. Оправдывая наше отнесение Гоголя, Достоевского, Диккенса и других к наследникам романтической традиции, напомним, что принцип иронии и связанные с ними моменты предполагают противопоставление идеала и действительности во всех деталях, всей целостности. Романтизм определяет не бытовая достоверность, а общее устремление к иррациональному идеалу, стремление свести этот идеал на землю. Будет уже антиутопией.

Итак, подведем некоторые итоги.

Утопия и антиутопия связаны “кровным” типологическим родством. Прежде всего, обе являются определенным типом миропонимания, “стилем мышления” (Е Шацкий), системой ценностей, которая может выражаться в научной, художественной, идеологической, публицистической и т.п. формах. Замыкать утопию и антиутопию рамками чисто литературного жанра означало бы неоправданно ограничивать употребляемые понятия, разбивать единый класс явлений по функциональному признаку.

Затем, утопия и антиутопия есть одинаково теории крайностей, сталкивающие действительность и идеал и то и другое для них, безусловно, конкретно. Середины между небом и землей нет. При различии самих идеалов, которые могут быть наделены либеральными, социалистическими либо консервативными чертами, все утопии внутренне едины и строятся в одной модели, в основании которой заложен принцип крайнего и последовательного рационализма. Соответственно, антиутопия конструируется на иррациональных началах, предельным воплощением первой модели будет, по сути, тоталитаризм, предельным воплощением другой — анархия.

Обе системы, таким образом, грешат односторонностью, обе стремятся человеческое бытие свести к канонам существования мировой материи, которая одним представляется целесообразной, а другим — стихийной, обе видят в человеке лишь часть материи мира и стремятся освободиться от человеческой специфичности. Связывая человеческое бытие с космическим, обе теории мечтают о конечном осуществлении высших законов на земле в виде царства правды, истины. Обе системы, таким образом, в принципе теократичны, наделены эсхатологическими мотивами и телеологичным восприятием истории, поскольку сводят идеал на землю, перечеркивая порядки "нашего" мира. Земная жизнь в ее целостности, в ее сочетании материального и идеального не является для обеих систем самоцелью, в лучшем случае, "наш мир" — лишь средство, форма развертывания идеала, который понимается как абсолютная цель и ценность. Утопия и антиутопия совершенно не склонны и не способны к синтезу, компромиссу, сосуществованию, примирению, им чуждо понимание относительности процессов и ценностей, оба мировоззрения оперируют категорическими понятиями добра и зла, идеал и действительность воспринимаются ими либо с позиций абсолютного тождества, либо с позиций радикального противостояния.

Дуалистическое ощущение мира, последовательный рационализм либо иррациональность как главный принцип мировоззрения, наконец, своеобразное отношение к идеалу в его связи с действительностью, а идеал полноценно был действительностью, является действительностью или должен стать ею, — таковы, по-видимому, важнейшие критерии, определяющие содержание систем утопии-антиутопии.

Зеркально противоположные внешне, утопия и антиутопия внутренне едины, хотя в их дуумвирате антиутопия, пожалуй, является скорее производной и выступает как реакция.

Очерченные нами типы утопии и антиутопии позволяют не только глубже понять эти древние и, по-видимому, вечные "архетипы" человеческой мысли, но и по-новому взглянуть на многие идейные комплексы и отдельные теории, чья принадлежность до настоящего времени в значительной мере спорна.

Что же касается причин столь устойчивых реинкарнаций утопии и антиутопии и как-вы пружины, порождающие утопическое сознание, — эта тема требует безусловно, отдельного рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ "В современной социологии и философии отсутствует общепризнанная концепция утопии" (Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982. С. 12).

"Понятие утопии в историко-философской литературе запутано и противоречиво" (Сизов С. С. Утопия и общественное сознание. Л., 1985. С. 8).

² Mumford L. The story of Utopias. N York, 1962. P. 15.

³ Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М., 1991. С. 113.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. Репр. сб. Вып. 1. М., 1991. С. 12.

⁶ "Утопист полностью отвергает существующий мир вместе с его альтернативами, между которыми выбирает политик" (Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 132).

"Утопия — социальный проект идеального будущего, резко отличающийся от наличной реальности и противопоставленный ей" (Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 242).

⁷ Свентоховский А. История Утопии. М., 1910. С. 90.

⁸ "По нашему мнению, — пишет С Сизов, — утопия означает не всякий, а лишь достаточно развернутый идеал, образующий определенный целостный образ общественных отношений, которые его создатель считает наиболее совершенными" (Сизов С С Указ соч С 19)

⁹ Свентоховский А Указ соч С 5

¹⁰ Баталов Э Я В мире утопии М 1989 С 10

¹¹ См Шацкий Е Указ соч С 31

¹² Цит по Шацкий Е Указ соч С 31

¹³ Там же

¹⁴ См Там же С 46 — 47

¹⁵ Флоровский Г В Пути русского богословия //О России и русской философской культуре М 1990 С 330

¹⁶ Шацкий Е Указ соч С 81

¹⁷ Флоровский Г В Указ соч С 329

¹⁸ Фойгт А Социальные утопии СПб 1906 С 4

¹⁹ Цит по Маравалль Х А Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление Антология зарубежной литературы М, 1991 С 216

²⁰ Цит по Берковский Н Я Романтизм в Германии Л 1973 С 37

²¹ Берковский Н Я Указ соч С 39

²² Новалис Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков М, 1980 С 98 — 99

²³ Там же С 99

²⁴ Берковский Н Указ соч С 37 38

²⁵ Цит по Романтизм и реализм в немецкой литературе 18 — 19 вв Куйбышев, 1984 С 118

²⁶ Цит по Литературные манифесты С 257

²⁷ Форстер Г Идеи //Литературные манифесты С 61

²⁸ Новалис Фрагменты //Литературные манифесты С 106, 107

²⁹ Там же С 96

³⁰ Цит по Литературные манифесты С 192

³¹ Шелли П Б Защита поэзии //Литературные манифесты С 336

³² Цит по Литературные манифесты С 185

³³ Цит по Литературные манифесты С 187, 188

³⁴ Форстер Г Идеи //Литературные манифесты С 61

³⁵ Шелли П Б Указ соч С 330

³⁶ Цит по Литературные манифесты С 363

³⁷ Эйхендорф И Из жизни одного бездельника //Жизнь льется через край Сказки и истории немецких романтиков М, 1991 С 493

³⁸ Форстер Г Из "Философских лекций" // Литературные манифесты С 66

³⁹ Шлейермахер Ф Д О религии // Литературные манифесты С 138

⁴⁰ Форстер Г Из "Философских лекций" С 58

⁴¹ Там же

⁴² Цит по Европейский романтизм М, 1973 С 216

⁴³ Там же С 217

⁴⁴ Там же С 236

⁴⁵ Веселовский А Н В А Жуковский Поэзия чувства и сердечного воображения СПб, 1904 С 23

⁴⁶ Шелли П Б Указ соч С 331

⁴⁷ Шлейермахер Ф Д Указ соч С 147

⁴⁸ Оруэлл Дж 1984 // Новый мир 1989 №3 С 183, 185, 186